

На знакомый пустырь въехали огромные тягачи, нагруженные танками, пушками и миномётами.

Предстояла операция "Нерушимая скала".

Звонит мобильник.

Слышу дыхание Лии.

– Я пришла к твоей маме. Мы стоим у окна и смотрим на улицу.

Михаил Ландбург

ПОСЛАННИКИ

©Михаил Ландбург, 2016

роман

Михаил Ландбург

Посланники

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9476246

Посланники / Михаил Ландбург: Medial; Тель Авив; 2015

ISBN 978-965-559-043-2

Аннотация

Роман «Посланники» – самый, пожалуй, сложный из всех, что написал Ландбург. Поскольку действие в нём происходит не только среди живых, но также и среди мёртвых.

На фоне отношений студента Лотана и студентки Лии происходят драматические события вокруг военной операции Армии Обороны Израиля 2012 года по наведению порядка в секторе Газа, в которой Лотан должен принимать участие. Читатель узнаёт об истории маленькой группы австрийских евреев, бежавших из оккупированной и нацистами Австрии в Финляндию. Маршал Карл Густав Маннергейм, оказавшийся вынужденным союзником Гитлера, наотрез отказался выдавать фюреру своих евреев, но не смог спасти чужих. И восемь австрийских беженцев, среди которых были и дети, оказались в концлагере Биркенау, откуда не вышел ни один из них.

Но один из них всё же вышел оттуда – из расстрельного рва – семьдесят лет спустя. Вышел для того, чтобы прийти к ныне живущим на земле – *подняться наверх*, как он это называет

– и предостеречь. От иллюзий по поводу того, что со Злом можно как-то договориться, примириться, закрыть глаза на его существование от надежды на то, что в мире рано или поздно настанет мир и гармония, от всего того, что рано или поздно непременно приведёт прекраснодоушных мечтателей туда, откуда он сам с таким трудом выбрался.

Содержание

О живых и мёртвых	5
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Михаил Ландбург

Посланники

*Посвящается Женщине и Мужчине, подарившим
мне Жизнь.*

О живых и мёртвых

*"Для торжества Зла необходимо только одно
условие – чтобы хорошие люди сидели сложа руки"
Эдмунд Бёрк*

*"Человек есть то, что должно быть преодолено"
Фридрих Ницше*

Семь романов. Семь сборников новелл. Шестнадцать выпущенных за сорок лет книг, включая переиздания и переводы.

«Посланники» – восьмой роман Михаила Ландбурга. Предыдущий – «На последнем сеансе» (2011) – был признан лучшей русскоязычной книгой Израиля и принёс своему автору литературную премию имени Юрия Нагибина.

Премии, как известно, обязывают. Даже самые эфемерные, Диплом в изящной рамочке и корзина с прекрасными цветами в обязательном порядке задают новую планку –

ту самую, ниже которой следующее произведение опускаться права не имеет. Чтобы ни читателей своих не разочаровать, ни критикам не потрафлять. Следовало и с мыслями собраться, расположить их в правильном порядке...

* * *

Роман «Посланники» – самый, пожалуй, сложный из всех, что написал Ландбург. Поскольку действие в нём происходит не только среди живых, но также и среди мёртвых.

На фоне начавшихся со случайной (они всегда такими именно и бывают) встречи в лавке букиниста отношений студента Лотана и студентки Лии происходят драматические события вокруг военной операции Армии Обороны Израиля 2012 года по наведению порядка в секторе Газа, в которой Лотан должен принимать участие как призванный из запаса. Проходит день за днём... .. Читатель узнаёт о трагедии 70-летней давности – истории маленькой группы австрийских евреев, бежавших из оккупированной и аннексированной нацистами Австрии в Финляндию. Маршал Карл Густав Маннергейм, оказавшийся вынужденным союзником Гитлера в его войне с большевиками, наотрез отказался выдавать на расправу бесноватому фюреру своих, финских евреев, но не смог устоять от искушения не делать этого также и с евреями пришлыми – чужими. И восемь австрийских беженцев, среди которых были и дети, оказались в концлагере Бирке-

нау, откуда не вышел ни один из них.

Но один из них всё же вышел оттуда – из расстрельного рва – семьдесят лет спустя. Вышел для того, чтобы прийти к ныне живущим на земле – *подняться наверх*, как он это называет – и предостеречь. От иллюзий по поводу того, что со Злом можно как-то договориться, примириться, закрыть глаза на его существование от надежды на то, что в мире рано или поздно настанет мир и гармония, от всего того, что рано или поздно непременно приведёт прекраснодушных мечтателей туда, откуда он сам с таким трудом выбрался.

Ганс Корн, венский психоаналитик, ученик и сотрудник доктора Франкла, всю свою короткую жизнь пытался разобраться в самом себе и в окружающем его мире с помощью привычных ему методов психоанализа. Оказавшись же перед лицом неминуемой гибели, он задался вопросом: «Неужели миллионы людей погибли лишь только за то, что они были носителями другой веры?» Ганс Корн о многом передумал, и теперь, явившись во сне Лии, он со своими предостережениями и наставлениями. При этом повествование всякий раз ведётся от первого лица – того из персонажей книги, чьими глазами смотрит на окружающий его мир автор.

Столь сложная структура текста должна иметь простое и понятное объяснение. Кто может дать его лучше, чем сам автор? Говоря о том, что двигало его мыслью, эмоциями и пером во время работы над романом, Михаил Ландбург

подчёркивает: «Мир находится в состоянии хаоса и ужасных проявлений. Я решил заглянуть в человека, в котором столько намешано разного, и, если создаются (кстати, самими людьми) определённые обстоятельства, то ужасы неизбежны. Моя книга – разговор о человеке, о его сущности, о попытке изменить в себе эту “ДНК”. То есть, как говорил Фридрих Ницше: “Человек есть то, что должно быть преодолено”».

* * *

Я прочитал почти всё Михаилом Ландбургом прежде написанное и опубликованное. И, как профессиональный читатель, кажется, понял – в чём тот самый основной посыл, тот, как говорят по ту сторону Атлантического океана, *general message* его произведений. В своих романах писатель ведёт непрерывный разговор о несовершенстве мира и человека, а также, обратившись с каким-либо вопросом, пытается получить на него ясный ответ.

Помимо того, что я принадлежу к числу преданных ценителей творчества Михаила Ландбурга как читатель, мне выпала большая удача – сотрудничать с писателем как редактору. И вот, готовя к изданию эту книгу, у меня время от времени возникало странное ощущение. Мне отчего-то представлялось, что так же, как мертвец Ганс Корн разговаривает со студенткой Лией, как безымянный капитан разговари-

вайт с сержантом Лотаном, точно так же Бог разговаривает – через Ландбурга – по крайней мере, со мной. Потому что в этой его книге мне довелось найти несколько ответов на несколько важных вопросов. Не говоря уже об истории Ганса Корна и его погибших в Биркенау товарищей. Теперь я об этом знаю.

Надеюсь, вам повезёт тоже. И буду очень рад, если моё предположение окажется верным.

Павел Матвеев

Санкт-Петербург, декабрь 2014

Часть первая

Лотан

"Люди становятся орудиями своих орудий"
Генри Дэвид Торо

К началу третьего года университетских занятий мне понадобился оригинал текста Марка Аврелия "К самому себе", и кто-то посоветовал заглянуть в лавку букиниста.

Здесь было тесно и пахло старинной кожей, но стеллажи с книгами Платона, Сенеки, Монтеня, Аристофана и уж, конечно, плакат **"Книги – хороший способ поговорить с тем, с кем разговор невозможен"**¹ придавали ощущение уверенности и уюта.

Худой, чуть сгорбленный с болезненным лицом букинист сконфуженно пробормотал:

– В данный момент этой книжки в лавке нет, но обещаю достать.

– Очень нужно! – сказал я.

Букинист одобритительно кивнул.

– Великие книги наполнены жаждой своего поколения поделиться пережитым со следующим поколением, и каждая *такая* книга прокладывает тропинку к новым книгам, даже

¹ Фредерик Бегбедер.

тем, которые *ещё не написаны*. Завтра начинается вчера.

Я пожал плечами.

– Однако в каждом ли поколении отыщется личность, подобная Платону или Сенеке?

Букинист продолжил:

– Для того, чтобы написать хорошую книгу, быть личностью выдающейся не обязательно; достаточно быть просто хорошим писателем, а что касается пережитого, то *этого* во все времена бывало в избытке. Надеюсь, литература ещё не раз клонет пребывающего в растерянности читателя и в глаза, и в лоб, и в темечко и в... Слова, имеющие вес, были всегда, и всегда будут...

Рука букиниста потянулся к книжке в кожаном переплёте.

– Вот тут чуть ли не на сотне страниц описана сцена перед казнью Иисуса, попросившего *завязать ему глаза*. Потрясающе! Думаешь почему?

Я предположил:

– Иисусу стало страшно.

– Возможно.

– Разве не так?

Взгляд букиниста скользнул мимо меня.

– А если допустить, что в просьбе Иисуса таилось чувство стыда за человечество?

Я молчал.

Букинист рассмеялся:

– Древний римлянин не сомневался в том, что чувство

влюблённости ему внушил бог Купидон; чувство воинственности бог Марс, удачную торговую сделку бог Меркурий. Миром управлял идеал, в мыслях царила ясность, пока однажды не наступило время всеобщего хаоса и неразберихи. Взамен прежним верованиям появились *новые*, чарующие слух слова: **Равенство, Счастье, Свобода, Прогресс**. Потребовалось какое-то время, после чего эти слова поблекли, поизносились, а то и вовсе стёрлись. Наступила власть гильотины, электрического стула, газовых камер, атомных бомб. Мир покрылся запахом гнили. Идеализм стали считать родной идиотизма. Телевизор, газеты нас отучают думать самостоятельно, а мы не возражаем – *неведение* помогает оправдываться и смутный груз с души снимает.

– Предлагаете вернуть утерянных богов?

– Почему бы нет? Максима "Mundus vult decipi"² бытует веками, – отозвался букинист и раскрыл другую книжку.

– А вот здесь говорится о пролитой человеческой крови. А кто её пролил? Ну, да – люди, вроде меня, тебя, всех нас. Люди страшатся болезней, наводнений, голода, крыс, засухи, войн, но, кажется, больше всего их пугает правда, ибо она не бывает общей на всех, а лишь такой, какой каждый видит её краем своего глаза, улавливаем краем своего уха, воспринимаем краем своего мозга. Видимо, поэтому-то настоящим писателям интереснее не правду искать, а истину, которую суждено искать вечно. При *удобной* правде проще позволять

² (лат.) Мир хочет быть обманут.

себе совершать поступки, на которые при иных обстоятельствах, решаться не посмеешь.

Голос букиниста был глухим, неторопливым.

Я напряг память.

Я узнал этот голос...

...Однажды –

из комнаты отца послышался глухой, неторопливый голос. Гость говорил о Париже, о своей маме-еврейке и отце-французе, о кумире молодости – генерале де Голе, а потом разговор зашёл о последней картине отца "Кошки". Гость был огорчён тем, что эти создания, привлекая к себе внимание писателей, художников, композиторов, сами к миру книг, песен, картин питают, вроде бы, полное равнодушие.

Отец долго молчал, а потом пояснил, что в глазах этих бессловесных созданий его привлекают к себе выступающие необычные, загадочные пятна, некое отражение недоступных людям смутных красок. А ещё он сказал, что часто задумывается над тем, отчего кошки, умеющие столь мучительно стонать и так пронзительно кричать, никогда не смеются.

Вдруг в комнате отца зазвучал один из ноктюрнов Шопена, и я, чтобы сосредоточиться на чтении "Царя Эдипа", прикрыл дверь...

...Теперь я беспокойно поёжился и спросил:

– Думаете, *такого рода* обстоятельства меня коснутся?

– Возможно, что пронесёт... – букинист ткнул пальцем в томик Элиота и прочёл:

*"Мы будем скитаться мыслью,
И в конце скитаний придём
Туда, откуда мы вышли".³*

– А затем? – спросил я.

– Окаменеет! Нас не убудет...

Я прикусил губу и напомнил о книжке Марка Аврелия.

– Достану! – пообещал букинист и принялся по памяти читать бесконечно длинный кусок из Вергилия.

Я пришёл восторг.

– Впечатляет! – выдохнул я. – Ваша латынь...

Букинист причмокнул губами.

– В моей жизни были Париж, Сорбонна, Овидий, Катулл, Федр... Когда-то...

Я сказал:

– С тех пор кое-что, вроде бы, поменялось...

– Вроде бы да, а вроде бы и нет... – по лицу букиниста скользнула усталая улыбка, и вдруг он мягко поинтересовался:

– Я могу узнать, кто ты?

– Конечно.

³ Томас Элиот. Пер. А. Сергеева.

– Вот я и спрашиваю: "Ты кто?"

– Студент Иерусалимского университета и сержант в запасе армии обороны Израиля.

Букинист смежил веки и добродушно улыбнулся.

– Это всё?

Сбитый с толку, я опустил голову.

– По мне хоть профессор, хоть генерал... – сдавленно проговорил букинист и раскрыл передо мной "Флориды" Апуллея.

Я прочёл: *"Сократ, мой великий предшественник, как-то раз довольно долго глядел на красивого юношу, всё время хранившего молчание, и, наконец, попросил его: "Теперь, чтобы я мог тебя увидеть, скажи что-нибудь"*.

– А ещё читай здесь, – указал букинист.

Тут было сказано, что молчащий язык приносит не больше пользы, чем ноздри, страдающие насморком, или уши, забитые грязью, а также глаза, затянутые бельмом.

Я втянул голову в плечи.

Букинист вернул книгу на место и, вызвав меня на беседу об Эврипиде и Сафо, заметно повеселел.

– Ну, вот, – сказал он, – теперь я тебя разглядел.

В лавку вошла девушка – густые светлые волосы, в глазах загадочный блеск.

Встав за прилавок, она сообщила, что до очередных университетских зачётов теперь далеко, и пока сможет приходить чаще.

Перехватив мой взгляд, букинист сообщил:

– Мой ангел хранитель.

– Разве, евреи, признают ангелов? – рассмеялся я и направился к выходу.

За моей спиной девичий голос произнёс: "Заходите ещё!"

* * *

Через несколько дней я сказал:

– Видишь, я пришёл!

– Вижу! – откликнулась девушка.

Я снял с полки томик Сенеки.

Передо мной качнулось возбуждённое лицо.

– Читаешь на латыни?

– Лотан, – сказал я. – Меня зовут Лотан.

– Лия, – живо отозвалась девушка. – Поступила на романское отделение университета.

– Античная культура?

– Да.

– Здесь в Иерусалиме?

– Здесь.

Мои глаза споткнулись о девушку.

Хотелось спросить: "Кто ты?"

Хотелось понюхать её волосы.

Забыв о Сенеке, я осведомился:

– Можно приглашу в кино?

– Пригласи! – сказала Лия.

Не проронив ни слова, я из лавки вышел.

* * *

Иерусалим был многолюден.

Невольно вспомнился Игорь Сахновский, в книге которого один из персонажей провёл исследование –

"Среди шестнадцати тысяч трёх сот восьми пешеходов, водителей и пассажиров, украшающих своим присутствием главную улицу города, девять тысяч шестьсот одиннадцать персон сейчас мыслили о деньгах. Три тысячи семьсот двадцать девять граждан обоих полов думали о сексе, имея ввиду самые грубые и незатейливые формы сношений с малознакомыми, незнакомыми или просто воображаемыми особями. Неполная тысяча сильно тревожилась, как она выглядит со стороны. Восемьсот сорок одного терзала потребность безотлагательно выпить, даже и не закусывая. Полтысячи с лишним элементов хотели есть. Сто пять разных личностей, абсолютно независимых друг от друга, напевали про себя половозрелый шлягер: "Забирай меня скорей! Увози за сто морей! И целуй меня везде! Я ведь взрослая уже!" Семнадцать счастливых эсеницин и трое мужчин молчаливо сходили с ума от ревности. Четыре компетентных тинейджера с пылом обсуждали пятого: он больной на всю голову – или не на всю?"

* * *

На углу улицы Бецалель человек в жёлтой рубахе писал портрет с фотографии пожилой женщины. Я остановился. Было любопытно. "У тебя счастливое лицо, – взглянув на меня, сказал художник. – Присаживайся – счастье на твоём лице увековечу" Я отказался, усомнившись в том, что счастье делается кистью уличного художника.

Мимо меня прошли три женщины в длинных чёрных одеяниях.

Я оглянулся на них.

Они оглянулись на меня.

Я улыбнулся.

Они – нет.

Подумав о Лие, я твёрдо решил, что девственности лишусь непременно по любви, и вдруг поймал себя на том, что завёл песнопение во славу Господа.

* * *

Я позвонил:

– Лия, как бизнес?

– Твой заказ – "К самому себе" Марка Аврелия" – в лавке.

Букинист от тебя без ума.

– А ты?

Лия подышала в трубку. Потом спросила:

– Придёшь?

В ответ я тоже подышал в трубку и сказал:

– Примчусь!

* * *

На одной из страниц книжки Марка Аврелия "К самому себе" я задержался: *"Лучший способ оборониться – это не уподобляться обидчику. От моего деда Вера я унаследовал сердечность и незлобивость. От славы моего родителя и оставленной им по себе памяти – скромность и мужественность. От матери – благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А так же – простоту образа жизни, далёкую от всякой роскоши. От прадеда – то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться"*.

Букинист бросил взгляд на книжные стеллажи и добродушно проговорил:

– Писатели выдумщики, а их книги – это нередко искусный приём обмана, способный увести читателя чёрт знает куда. Впрочем, иногда в той или иной книге проскальзывает желание добраться до сути, то есть, указать на то, что в конечном итоге, побеждает Добро, и ещё то, что, в конечном

итоге, Зло неистребимо.

Проходя мимо Лии, я шепнул:

– Вечером заглянем в кафе?

Лия бодро отозвалась:

– Только в такое, где не шумно, где можно беседовать в полголоса.

– Ладно. А потом ещё в кино... Пойдёшь?

В глазах Лии я прочёл: "А ты как думаешь?"

* * *

В крошечном кафе "Дыхание" было четыре столика без скатертей, зато на каждом из них возвышалась узкая стеклянная вазочка с цветком. Мы устроились за столиком возле окна. В чуть затемнённом углу сидел старик с большими красными ушами и длинными плохо расчёсанными волосами. Прислонившись к стене, он пил из гранёного стакана ружую жидкость. И вдруг он запел какую-то французскую песню, а закончив петь, посмотрел на нас. Лия улыбнулись, а я поаплодировал. Старик поднялся, отвёл рукой лезущие в глаза волосы и направился к выходу. В окно было видно, как он, размахивая руками, шёл вдоль улицы. На углу он остановился, что-то, видимо, обдумывая, а потом свернул в переулок, где магазин рыболовных принадлежностей.

Официант поставил на наш столик две чашки кофе и творожное пирожное.

Лия облизала губы.

Я поиграл бровями.

Вошли двое мужчин в помятых шляпах. Они прошли к столику, за которым сидел старик. Мужчина с зелёными глазами стал читать стихи о женщинах. В стихах звучало немало забавного.

Лия нагнулась ко мне и сказала:

– Писатели – чудаки.

– Не все, – рассудил я. – Только те, что пытаются добрат-ся до сути.

– Кому-то из них удалось?

– Одной жизни бывает мало...

Лия перевела взгляд на окно.

– Мне иногда кажется, что планета остановилась, и что земля прекратила своё вращение.

Я огляделся вокруг и почти выкрикнул:

– Упаси Боже!

Лия взяла мою руку и задумчиво проговорила:

– А ещё мне иногда кажется, что я старая.

Я пошевелил ушами. Подвигал носом.

С улицы в окно заглянул какой-то мужчина. У него был смятенный вид. Кажется, он кого-то потерял. Я проникся к нему сочувствием. Мужчина от окна отошёл.

– Почему мне с тобой хорошо? – выдохнула Лия.

– И действительно – почему? – зарычал я.

На окно опустилась муха, и я, проследив за движением её

ножек-ниточек, напомнил о Вергилии, который за мухами, залетающими в комнаты, признавал статус домашних животных, а однажды на земле возле своего дома организовал траурную церемонию похорон мухи со всеми положенными при таком событии атрибутами – гробокопателями и долгими речами.

Лия сказала, что в букинистическую лавку доставили новые книги, а затем, немного поговорив о Римской империи, мы завели разговор о современной литературе. Лия одобрительно отозвалась о незнакомом мне шведском писателе. "Храбрый он, не боится общаться с мёртвыми".

В кафе вошли две пожилые дамы. Они пили чай и во весь голос обсуждали последние выборы в Венесуэле. Внезапно, вскочив со своего места, одна из них замахала руками и со словами "ничего ты в этом не смыслишь" побежала в туалет. Та, которая осталась, заметно заскучала. "Вот скажи, – обратилась она ко мне, – что будет с этим миром дальше?" Я высказал предположение, что дальше будет то же, что было прежде. Дама посмотрела на меня пустыми, будто слепыми глазами, а затем, допив свой чай короткими, нервными глотками, тяжело вздохнула и выбежала на улицу.

Я посмотрел на Лию и стал гадать: если наша прародительница Ева родилась из ребра Адамова, Венера – из морской пены, то Лия... От кого мне такой подарок, кем послана?

– Могу получить информацию? – спросил я.

– Обо мне?

Я кивнул.

Лея горестно вздохнула:

– Что ж, приступай к пыткам.

Я приступил:

– Твой любимый танец?

– Танго.

– Любимые цветы?

– Белые гвоздики.

– Любимые картины?

– Тёплые. А любимая еда – жареная картошка.

– Про еду я не спрашивал.

Подошёл официант и спросил, не желаем ли чего-либо ещё.

Я попросил жареной картошки.

– Нет у нас, – смутился официант.

Я посмотрел на Лию.

– Тогда в кино?

Лия поднялась с места.

* * *

Фильм Тео Ангелопулоса "Вечность и один день" рассказывал о судьбах нелегальных иммигрантов. Во время показа забавных сцен лицо Лии улыбалось, жестких – содрогалось, таинственных или невнятных – замирало. "С этим лицом всё

как надо!" – заключил я.

Выйдя из кинотеатра, мы, взявшись за руки, бродили по городу, говорили о фильмах, об учёбе в университете. На нас оборачивались, на нас заглядывались и мужчины, и женщины, и я был готов поклясться, что за нами всю дорогу тянулось яркое, многоцветное сияние.

Лия сказала:

– Обожаю твои пальцы.

Я спросил:

– Что в них хорошего?

Лия пояснила:

– Они твои...

– Я заверил:

– Теперь – и твои тоже...

Лия спросила, задумываюсь ли я над будущим мира, и я сказал, что смысла *в этом* не нахожу, ибо будущее придёт и без того, думаю ли я над ним или нет. "А ты? – спросил я. – Ты довольна?" "Чем?" – не поняла Лия. Я сказал: "Всем, что вокруг". Лия посмотрела на меня долгим, бесконечно долгим взглядом.

Мы вновь заговорили о фильме Тео Ангелопулоса.

– Не знаешь, почему преследуют неповинных людей? – упавшим голосом спросила Лия.

– Знаю, – отозвался я. – Просто, аппетиты у одних несоизмеримо большие, чем у других.

Лия высказала мысль о том, что людям, несправедливо

преследуемым, следует собрать большое войско и восстать.

– Без проблем! – сквозь сжатые зубы произнёс я. – Собрём!

– Ты милый.

Я заключил лицо Лии в мои ладони.

Глаза Лии искрились.

Потом я принялся прыгать на одной ноге. Продержался метров сорок.

Подошёл, пошатываясь, парень – прыщавое лицо, выпученные глаза, на жёлтой майке надпись: "Я небесплезен: служу примером плохого поведения". Кажется, он был из тех, кто считают, будто сердце мужчины расположено в его члене.

Потянувшись губами к моему уху, он шепнул:

– Уступи девулю!

Я шепнул в ответ:

– Дышать хочешь?

– А то! – сказал он.

– Тогда ляг и дыши.

– Понял! – проговорил он и без лишних движений опустился на тротуар.

– Умница! – похвалил я.

Лия кивнула на парня:

– Что это с ним?"

Я объяснил:

"Anorexia neurosa".

Лия завела разговор о букинисте – была страшная война в Европе, потом война за Независимость в Палестине, потом учёба в Сорбонне и, наконец, служба в должности атташе по культуре во Франции. Посланник от государства Израиль! Судьба, фортуна – в жизни всё так странно. Букинист считает, что человек есть только то, что он есть, и жизнь есть то, что мы в ней делаем.

Я напомнил, что история напичкана самыми невероятными странностями. Например, немалое удивление вызывает дата **129 лет**.

Наполеон родился в 1760 году. Гитлер родился в 1889 году (разница 129 лет)

Наполеон пришёл к власти в 1804 году. Гитлер пришёл к власти в 1933 году (разница 129 лет).

Наполеон вошёл в Вену в 1812 году. Гитлер вошёл в Вену в 1941 году (разница 129 лет)

Наполеон проиграл войну в 1816 году. Гитлер проиграл войну в 1945 году. (разница 129 лет).

Лия остановилась, прижалась ко мне щекой.

У меня вспотели ладони.

Я спросил, реальна ли любовь с первого взгляда?

Лия сказала, что на первый взгляд – да, но чем такая любовь обернётся через 129 лет предсказать сложно.

Мы немного помолчали, и вдруг Лия спросила, знаю ли я что-либо о финских евреях. Я не знал. В эти минуты мне ни о чём знать не хотелось. Кажется, в мире выключились

звуки, и передо мной предстала картина Шагала – взявшись за руки, я и Лия парим над Иерусалимом.

– Чему ты улыбаешься? – не поняла Лия.

Я сказал, что теперь понимаю, почему, входя в транс от своего удачного исполнения, пианист Фетс Уоллер выкрикивал в зал: "Пристрелите меня кто-нибудь, пока я счастлив!"

* * *

Прозвенел мобильник.

- Ты где? – спросила мама.
- Парю в небесах, – сказал я.
- Тебя ждали дома.
- Ждали?
- Тебе повестка...

* * *

Я, сержант запаса армии обороны Израиля, вызывался на базу, и я сказал себе: "Так точно, как же иначе!?"

Мама смотрела на меня и молчаливо покусывала губы.

"Надо!" – сказал я вслух.

* * *

Радиоприёмник оповещал:

"Город Сдерот – воздушная тревога...

Город Беер-Шева – воздушная тревога...

Кибуц Ревивим – воздушная тревога...

Город Ашкелон – воздушная тревога...

Кибуц Цеелим – воздушная тревога...

Город Ашдод – воздушная тревога..."

Кто-то хватался за мобильник, предупреждая близких, знакомых, любимых о наступлении Зла, кто-то бросался к своим автомобилям, задумав отправиться на север страны и там переждать какое-то время у родственников, а я, перед тем, как покинуть город, заглянул в Университет.

Декан факультета развёл руками: "Что ж, курсовую работу по "Энеиде" вам придётся прервать, но, надеюсь, что..."

"Я тоже надеюсь", – сказал я.

* * *

На рассвете 14-ого ноября 2012 года на базе под Иерусалимом нас поджидали армейские автобусы.

Было ясно – нас *посылают туда*...

Было понятно – *этого* не миновать ...

"Дождись!" – наказал я мотоциклу.

За окнами автобуса пробежали кусты, белые домики, фигурки людей.

Я закрыл глаза и перед собой увидел –

70-ые годы новой эры.

Император Веспасиан.

Сгоревший храм.

Вспаханная земля на месте, где стояло Святилище.

Разорённый Иерусалим.

Иудеи, угоняемые в Рим.

Зной жёг губы, пыль поедала глаза.

Отчеканенная монета с надписью "Judaea capta"⁴.

Открыв глаза, я подумал: "Никогда больше..."

Старик на обочине дороги поднял руку в приветствии.

Защемило в груди.

Вспомнились слова хорошего писателя: *"Радость – продукт скоропортящийся, у печали – долгие сроки хранения"*⁵.

Кто-то вздохнул: "Что будет теперь?"

Кто-то отозвался: "Будет что-то..."

– Сержант, Богу доверяешь? – спросил Амос.

– А что?

– Хорошо бы, чтобы в эти дни Он был поблизости...

– Будет, – промямлил я. – Он всегда и везде. На то Он –

Бог!

⁴ (лат) Иудея повержена.

⁵ Феликс Кандель "Против неба на земле"

Автобус остановился.

Воздев руки к небу, Амос попросил: "Не оставь нас, Господи!"

"Только бы не спасовать!" – подумалось мне.

Юваль Лерман невозмутимо грыз печенье.

* * *

В полдень на огромный пустырь въехали тягачи, нагруженные танками, пушками, миномётами.

Мы замерли в ожидании.

Стирался день.

К вечеру, словно на картинах Монэ, воздух вобрал в себя последние блики солнца.

Накатила мгла.

Налетели комары.

Я представил себе лица граждан страны – чуть ли не в каждой семье резервист...

Колотилось сердце.

* * *

Из Газы выпрыгнула ракета, за ней – другая, а через семь минут три одновременно...

После полуночи Газу затрясло. Небо покрылось густым серым дымом.

Не было чувством жалости к врагу; беспокоила мысль: "Только бы бомбы падали *куда надо*, только бы ненароком не разворотить *не тот* дом, *не тот* подвал, *не ту* площадь".

Через четверть часа в мир вернулась тишина – округлая, мягкая, тёплая.

Воздух очистился от дыма и пыли.

Вновь выглянула луна и, немного выждав, расслабленно опрокинулась набок.

Слипались глаза.

Клонило ко сну.

Я оглядел сиротливо лежавший на земле спальный мешок, но спохватился – в любую минуту *это* может повториться...

Боец Николай принялся за стихи:

*"В небе смолкли оракулы,
и тогда мы в пути
пели песни и плакали,
чтоб с ума не сойти"**

(Григорий Чемоданов).

Я спросил Николая:

– Чем занимаешься обычно?

– Фотографирую. Для заработка – снимаю свадьбы, похороны. Для души – отражённую в луже луну или...

– Скоро осень, – сказал я. – С дождями и лужами.

На землю легла узкая тень – подошёл Гилад и присел рядом.

– Уличные бои – штука жуткая, – почесывая рыжую бородку, заговорил он. – Может лопнуть сердце, да? Можно потерять всего себя, да?

Я посмотрел на впалые щёки Гилада.

– Да? – повторил Гилад.

Я постучал по деревянному ящику от патронов и напомнил о майоре из новеллы Хэмингуэйя "В чужой стране": *"Если уж человеку суждено всё терять, ...он должен найти то, чего нельзя потерять"*.

– А что именно потерять нельзя, майор сообщил?

Гилад усмехнулся:

Я развёл руками.

– Ну, вот... – Гилад решительно поднялся с места.

– Куда? – спросил я.

– В сортир.

– Зачем?

– Как тебе сказать?

– Ладно, не говори, только поспеши. Мало ли что...

Гилад поспешил.

Я снова посмотрел на спальный мешок, подумал: "Чёртово испытание!"

...Мой отец говорил: "Каждый проходит через испытания. Обязан пройти..."

Я не понимал.

Отец смотрел на меня в упор: "Дарить новую жизнь – испытание, вырастить того, кому жизнь подарил – испытание; уходить из жизни – испытание".

Вернулся Гилад и доложил:

– На стене ротного сортира некая Маргарет Этвуд написала: *"Здравый смысл приходит благодаря опыту, а опыт приходит благодаря отсутствию здравого смысла"*.

Я стал допытываться:

– С чего ты взял, что Маргарет Этвуд?

– Стоит подпись.

Я сказал, что Маргарет Этвуд – канадская писательница.

Гилад пришёл в изумление:

– А мне подумалось, что такое могла нацарапать только опытная б...

Я посмотрел на осунувшийся лик луны и подумал: "Любопытно, каково сейчас лицо луны на другом конце света?"

Гилад спросил:

– Как думаешь, я смогу погибнуть?

– Сможешь, – отозвался я. – И ты сможешь, и я сможешь...

Гилад загрустил.

Я принялся его утешить:

– Опытные люди уверяют, что жить – занятие невыносимое, утомительное, ибо приходится вынуждать себя –

быть честным,

быть разумным,

быть учтивым и прочее, и прочее, и ещё и ещё...

Гилад не унимался.

– Интересно, – пробормотал он, – отчего у меня предчувствие, будто я погибну?

Я мотнул головой.

– И в правду интересно!

– И больше в этом мире меня не будет.

– Больше не будет.

– А что ж тогда?

Я предположил:

– Будет конец света.

Гилад перевёл дух.

– Может, обойдётся лёгким ранением?

...Мой отец говорил: "Жизнь даётся в дар без всяких объяснений, а потом тебя без всяких объяснений её лишают, тем не менее, чтобы с тобой не случилось, жизнь проживи *свою*. Неудачную картину можно переписать заново или про-

сто взять и выкинуть, а свою жизнь, если не удалась, тут уже не..."

Рация молчала.

Мы ощущали себя людьми вполне взрослыми; об ожогах, ранениях и всяком другом не думали, ждали своего часа, понимая, что мучительное бездействие и неизвестность – также война.

Командирским голосом я произнёс:

– Боец Гилад, amor fati!

– Что? – вскинулся Гилад. – Что ты сказал?

Я перевёл:

– Полюби свою Судьбу!

– Это приказ?

– Понимай, как хочешь!

Гилад поморщился.

– За что Судьбу любить?

Я скосил глаза.

– Хотя бы за то, что она *наша*! Другой Судьбы у нас всё равно нет...

На лице Гилада выступила постная улыбка. Упавшим голосом он спросил:

– Может, стоит помолиться? Набралось у меня...

Я кивнул.

– Раз набралось, то приступай...

Гилад стал просить –

чтобы его сестра каждый год рожать прекратила,
чтобы его отец благополучно дотянул до пенсии,
чтобы в стране выпали нормальные дожди,
чтобы Израиль выиграл пару медалей на олимпиаде,
чтобы навсегда утихомирилась Газа.

Я посмотрел на рыжую бородку Гилада и пришёл к заключению: "Barbam video, sed philosophum non video"⁶

С севера приближалась колонна танков. "Накачиваем мышцы!" – догадался я.

– Чёртова Газа! – уныло проговорил Гилад. – Кажется, мы завязли в путанице?

Я глотнул слюну.

– Путаница – это когда не знаешь, как её распутать...

– А мы знаем? – зрачки Гилада вдруг потемнели.

Я пожал плечами.

В детстве меня пугали тёмные комнаты и учителя математики, а здесь, под Газой, пугали вопрошающие глаза товарищей. Боли я не чувствовал. Это как в драке: вначале тебя сотрясают тупые удары, а острая боль приходит потом...

– Так-то оно... – Гилад коснулся своей бородки. – А мне умирать...

Я заговорил о таких, казалось бы, неглупых парнях как Золя, Тургенев, Эдмонд де Гонкур и Доде, которые, собира-

⁶ (лат.) Бороду вижу, философа не вижу.

сь в ресторане "Маньи", обсуждали вопрос о смерти. Однажды они пришли к выводу, что разумнее всего заставить себя довериться Судьбе, и при этом спокойно, без паники приговаривать:

"Так уж оно, и тут уж ничего не попишешь..."

Гилад слушал, заложив руки за голову и тяжело дыша.

Я взглянул на облака. Одно из них походило на шагающий стул.

На стул присело солнце.

По земле забегали тени.

Боец Юваль Лерман сидел в стороне и грыз печенью.

Появился джип батальонного фельдшера.

– Воины, – раздался трубный голос эскулапа, – как обстоит с боевым духом?

Ему никто не ответил.

– Ну, а дрожь в коленках или упадок в физическом состоянии наблюдается?

Покрутив шей, я доложил:

– В исключительно редких случаях. Если появляется асистолия, мы незамедлительно приступаем к использованию усовершенствованного Армией Оборона Израиля дефибриллятора.

Фельдшер тоже покрутил шей и вдруг, поведя носом, остановил брезгливый взгляд на кустах.

– Воздух-то здесь спёртый... – заметил он.

Я пояснил:

– Город Газа в непосредственной близости...

Фельдшер покашлял.

– Как вы можете дышать таким воздухом?

Я ещё пояснил:

– Стараемся в себя воздух не втягивать.

– Однако у вас тут тихо, – изумился фельдшер.

Кто-то из бойцов поделился знаниями:

– Говорят, в могиле ещё тише.

Я посмотрел на небо.

Ефрейтор Фима посмотрел на небо.

Николай посмотрел на небо.

Кажется, кто-то ещё посмотрел на небо.

– Сплетни это, – проговорил фельдшер, – не верьте!

– Ладно! – обещали воины.

Преодолев робость, я попросил:

– Нам бы таблетки для погружения в забытие...

Фельдшер бросил на меня укоризненный взгляд и сказал:

– Сейчас не время...

– Так точно, – согласился я, – сейчас не время. Нам бы на

потом. После всего *этого*...

– Лекарства "на потом" не поступили. И вообще – заглядывать в будущее не надо.

– А что надо?

– Жить!

Я вдохнул в себя воздух –

горячий,
влажный,
гнетущий,
зловонный.

Отдав батальонному фельдшеру честь, я подумал: "До чего же жить просто..."

* * *

Ночью прилетали бомбардировщики, и небо под огненными вспышками стало дробиться. Внизу дребезжало, лязгало, гремело. Изрядно пошумев, самолёты оставили за собой пространство, покрытое зеленовато-серым дымом, зеленовато-серым бредом, зеленовато-серым наказанием и отправились на свои базы для дозаправки.

Возвратилась тишина —
податливая,
смиренная,
уютная.

Искушало желание потрогать тишину, досаждала мысль: "Почему Бог, обычно во всём и повсюду присутствующий, теперь себя не обнаруживает".

Отец говорил: "Невмешательство – это тоже вмешательство..."

Моя жизнь...

"Чем она станет утром?"

"Во что превратится?"

Я поглядывал на небо. "Отзовись, Господи!"

Тишина –

глухая,

хрупкая.

"Прекратится или во что-то превратится" – вот в чём вопрос?

Тишина –

безразличная,

вялая.

"Господи, – спрашивал я, – ты меня слышишь?"

Ни звука. "Насинг!"

Устало мерцали напуганные звёзды.

Загадкой замерла Газа.

– Сержант, – заговорил Гилад, – там гибнут дети, да?

– Бывает, что и дети... Война... – я посмотрел на полевую радиацию – в любую минуту мог поступить приказ: "Со Злом пора покончить ..."

Мы ждали.

Клонило ко сну.

"Хорошо живётся кошкам, – думал я. – Говорят, на сон у них уходит большая часть жизни"

Встряхнув головой, отжавшись двадцать раз на руках,

глотнув воду из фляги, выдохнув из себя "Dum spiro spero"⁷, я мысленно переносился в Древнюю Грецию, где царь Эдип, вызвав к себе во дворец Креонта, выпрашивал совет: "Как истребить? И в чём зараза эта?" "Изгнанием, – отвечал Креонт, – иль кровью кровь смывая"⁸

Спать хотелось упорнее, чем жить.

– Вздремни, сержант, – сказал ефрейтор Фима. – Я при-
смотрю...

Я признательно склонил голову:

– Разве что на чуток...

В меня проник сон –

куда-то отлучился царь Эдип,

в небе нарисовались знаки-символы,

*на пустырь въехал танк, из открытого люка которого
донеслось: "Не сотвори себе кумира!.."*

А потом я увидел печальное лицо Лии.

– Неподальёку от Иерусалима упали две ракеты... – ска-
зала Лия.

Я стиснул губы.

– Мне страшно...

Мои губы разжались.

– Лия, потерпи. Когда я вернусь, то возьму напрокат лод-
ку, и мы с тобой заплывём далеко в море.

– Туда, где большие акулы?

⁷ (лат) Пока дышу, надеюсь.

⁸ Софокл. "Царь Эдип". Пер. с древнегреческого Ф Зелинского.

Я угрожающе постучал зубами.

– Да, где огромные голодные акулы.

– Они способны проглотить наши вёсла?

– Очень способны.

– И что же станет с нами?

– Вернёмся на берег вплавь.

– А если выбьемся из сил?

– Тогда примемся громко звать на помощь.

Лия поёжилась, будто от холода.

– Лия, не бойся, – сказал я. – Думай о чём-то хорошем.

Обо мне думай... Если подумаешь обо мне, то страх уйдёт.

– Я так и делаю. А когда ты вернёшься?

– Вот покончим с...

Кто-то тронул моё плечо.

Лиш не стало.

Танк оставил пустырь.

По небу рассыпались знаки-символы.

"Чуток оклемался?" – спросил ефрейтор Фима.

Я повертел носом. Поиграл ушами. Поинтересовался, снятся ли сны Фиме. Он посетовал на то, что сны приходят к нему большей частью нелепые. Однажды он увидел во сне президента Клинтона. Тот катался по лужайке Белого дома на трёхколёсном велосипеде, а он, Фима, стоял в стороне и играл на саксофоне.

– Вздремни ты, – предложил я.

Во сне Фима запел. Слова были на русском.

– Переведи! – попросил я, когда ефрейтор проснулся.

Он перевёл: "У попа была собака. Он любил её. А она любила мясо. Любое мясо. Кроме старого, испорченного. А ещё была у попа жена. Собака жену попа не кусала, потому что под одеждой этой женщины мясо было уж очень не свежее".

Я сказал:

– Врёшь, Фима!

– Спроси сам! – обиделся Фима. – У собаки...

На память пришёл Джозеф Джейкобс, который считал, что читать стихи в переводе, то же самое, что целовать женщину, лицо которой покрыто вуалью.

* * *

Ночь-день...

День-ночь...

Ефрейтор Фима кивнул на рацию.

– Ну?

Я развёл руками.

– Молчит?

– Глухо!

Вокруг –

смердный,

зудящий,

лязгающий мир.

Обжигая наши руки, лица, шеи, приставали комары.

Рядовой Иона возмутился:

– Сколько ещё торчать здесь?

Я вяло возразил:

– Вроде бы движемся. Во времени и пространстве...

– Разве что во времени, – ухмыльнулся Иона, – а что до территории, то...

Я пожал плечами.

– Не все свои законы природа раскрывает.

Иона шмыгнул носом и отошёл в сторону.

Чтобы как-то отключиться от состояния непонятного бездействия, я решил завести беседу об Апуллее, но бойцам было не до него.

Вспоминалось:

"– И люди же там! Представьте, никогда не спят!

– И почему не спят?

– Они не устают!

– А почему не устают?

– Потому что дураки.

– Разве дураки не устают?

– А чего дуракам уставать?"⁹

Ночь отступала.

Звёзды гасли.

Где-то я слышал, что звёзды в небе – это плод любви, результат соития неба с... С кем именно – загадка. Чьей любви

⁹ Франц Кафка. "Дети на дороге"

– тайна.

За город Газа опустилась луна, на небе корчились, строя рожицы, облака, и, будто лизнув по оставленным на небе ночным ранам, пробежался зыбкий утренний луч солнца.

Мы достали консервные банки и принялись поедать бобы в томате. "Что-то будет...", – подумал я и сказал себе: "Не дёргайся! *Fatum non penis, in manus non recipis*"¹⁰

– Хотел бы я знать, – проговорил рядовой Тувье, – чем в эти минуты занят Бог?

Алекс помахал небу рукой, попросил Создателя откликнуться.

– Не отзывается, – пожаловался Алекс.

– Может, так даже лучше? – заметил Николай и рассказал анекдот: "Доктор, – спросила больная, – почему, когда я говорю с Богом, это называется молитвой, а когда Бог разговаривает со мной, это называется шизофренией?"

Я с облегчением подумал: "Со мной Он, вроде бы, разговоров не заводит..."

Опустившись наземь, Юваль Лерман грыз печенью.

* * *

Полдень.

Час воспалённого солнца.

¹⁰ (лат) Судьба не член, рукой не ухватишь.

Дряблый, потный воздух.

Мы достали консервные банки и принялись поедать бобы в томате.

Город Газа выплёвывал из себя ракеты, и тогда я шептал: "Vade retro, Satanas!"¹¹

В расположение нашего взвода забрела серая коза. Оценив армейский быт, она высказала что-то на своём козьем языке и, торопливо перебирая ножками, повернула назад.

* * *

Вечер...

"Возможно, – подумал я, – сейчас Лия смотрит на закат солнца? И мама смотрит..."

Николай лежал на траве и наблюдал за тем, как, подталкивая друг друга рыхлыми бёдрами, в небе покачивались облака. Вдруг он запел.

– Переведи, – попросил я.

Он перевёл: "Дамы, дамы, не крутите задом, это не пропеллер, вам говорят"

– Сочинил ты? – спросил я.

– Возможно, – ответил Николай. – Уже и не припомню.

Я раскрыл мобильник, проговорил:

– Лия, Марк Аврелий считал, что человек бывает счаст-

¹¹ (лат.) Изыди, сатана!

ливым лишь тогда, если сам себя таковым считает.

– Ты себя таковым считаешь?

– У меня есть ты...

* * *

Месяц назад поэт Давид Полонски доверительно сообщил:

– Жажду сделать ребёнка.

Я скосил глаза,

подвигал носом,

пошевелил ушами.

– Кто счастливица?

Давид покрутил шеей.

– Как тебе объяснить?

Я снизошёл:

– Ничего объяснять не надо – мне подумалось, что если человек говорит "как тебе объяснить?", то он или не в ладах со словами, или же толком сам не знает, чего хочет.

Но поэт, как оказалось, знал.

– Надо бы изменить структуру вселенной, – сказал он. – Из гуманитарных побуждений сделаю ей отрока, то есть, заброшу, так сказать, достойное семя в строительство Будущего.

Идея Давида меня увлекла.

– Да-да, – подхватил я, – подкорректируй структуру вселенной, внедри нужное семя в Будущее! Теперь самое время. Пожалуйста, прояви усердие, сделай *это*! Читающую публику страны я предупрежу, что ты, по причине выхода в декрет, какое-то время печататься прекратишь...

– В декрет? – омрачился Давид. – В Иерусалиме меня ненормальным не посчитают?

– Ни в коем случае, – заверил я. – В столице ненормальных и без тебя хватает, кроме того, любой интеллигентный человек знает, что поэзия – это хворь необычная, ни на одну из других непохожая, и лишь неуч станет выискивать в личности поэта нормальность. Подкорректируй у вселенной ДНК, сделай это! Только учти – службы не дремлют...

– Какие к чертям службы?

Я пояснил:

– Службы государственные, специальные и очень специальные.

Лицо поэта потускнело. В воздухе прозвучало вялое "подумаю".

Мы заговорили о ракетах из Газы, о пылающих домах Негева, о детях, глотающих дым.

– С носителями Зла мы покончим, – обещал я. – *Раз и навсегда!* А ты, тем временем, займись семьяизвержением...

* * *

Ночной взгляд луны показался мне враждебным, и я потянулся к автомату.

Чертовщина...

Нервы...

Взводная рация продолжала молчать.

Сидевший под пушкой танка бородатый парень вполголо-са читал молитву. "У верующих – Бог один; у неверующих – в зависимости от суммы обстоятельств – множество", – подумалось мне.

Из спального мешка высунулась голова Рана. Выражение на его лице было искажено, будто ему скрутило живот. "Просто не знаю, – озадаченно бормотал он, – лежим тут, лежим... Если домой вернусь ни с чем, что я родным скажу?" Кто-то отозвался: "Что-нибудь скажешь...Если вернёшься целым..."

Ран посмотрел на меня.

– Посоветуйся с Господом, – сказал я.

– Я Бога не трогаю, – буркнул Ран. – Рискованно...

Я подумал, что у каждого своя Судьба –

у травинки,

у пушки,

у книжки.

"А у Судьбы есть судьба?"

Я завёл рассказ об Александре Дюма. Участвуя в дуэли, он вытянул жребий, по условию которого проигравший должен был застрелиться. Дюма удалился в соседнюю комнату, и через мгновение раздался выстрел. Все замерли. Однако Дюма вернулся и, разведя руками, проговорил: "Я стрелялся, но...промахнулся".

Ран вопросительно посмотрел на меня.

– Может, – сказал Ран, – сообщу домашним, что в меня стреляли, но промахнулись?

– Почему бы нет? – отозвался я.

Громко зевнув, рядовой Виктор посмотрел в сторону Га-зы и уныло проговорил: "Сержант, как думаешь, там сейчас спят?"

Я пожал плечами.

Виктор не унимался:

– Газа совсем рядом.

Я промолчал. Вспомнилось: *"Ближе друзей бывают только враги"*.

На часах было четверть пятого.

Заметно ослабнув, луна опрокинула себя набок и поползла вниз.

Темень и свет неторопливо менялись местами.

Белесая дымка затянула небо.

Птиц не было видно. Их пения не было слышно.

Пробежался лёгкий ветерок и скрылся в траве.

Я подумал: "Возможно, в это утро *наша очередь...*"

Мы свернули спальные мешки.

Закончив молитву, бородатый парнишка спрыгнул с танка и ушёл за кусты помочиться. Потом он полил себе из фляги на руки и вновь взобрался на танк.

В небо впились самолёты – дело известное: сейчас посыплется, а потом, как Судьба задумает...

На память пришла любимая поговорка моего заместителя, ефрейтора Фимы: "О чём не знаешь, того и нет!"

* * *

Под Газой я составил себе программу Aktion'a – чаще пить воду из фляги, заставлять себя дышать ровно, продолжать изошрять свою память повторением латинских текстов.

"Dum spiro spero..."

"Cogito ergo sum..."

* * *

Однажды мой отец сказал:

– Пока ты юн, кажется, что твоя жизнь ещё не началась, но однажды вдруг замечаешь, что ты уже не молод, а задуманная жизнь, вроде бы, и не наступила. Остаётся у тебя два возможных выбора: или принимать то, что подносит тебе судьба, или вступать с ней в единоборство. Двух будущих не бы-

вает...

– Ты выбрал? – спросил я.

– Ещё нет, – твёрдо ответил отец. – Я думаю...

* * *

...Кто-то из парней сказал: "Надеюсь, домой нас вернут не на носилках..."

Я вскинулся: "Не каркайте!"

Отделение отозвалось: "Так точно, сержант!"

Вокруг –

тишина,

безмолвие,

таинство.

"Где, Господи, Твоё чуткое Ухо? – спросил я. – Где же, Создатель, Твой Глаз всевидящий?"

Кажется, Жюль Ренар сказал: *"Не знаю, существует ли Бог, но для Его репутации лучше было бы, если бы Его не было"*.

Опустив голову, я прошептал: "Господи, пожалуйста, будь! С Тобой всё же комфортнее..."

* * *

Солнце, казалось, настроилось выжечь под собой все

нечистоты мира. В раскалённом воздухе металась, толкалась
мошकारа.

Я прислушивался к биению моего сердца.

Я думал о маме, о Лие, об университетских лекциях, о
лавке букиниста.

Я о себе думал...

...В день своего появления на свет я остался без ма-
мы. Трагические роды. Из книжек выяснил: такое бывает...
Жить без мамы отец не захотел. "И такое бывает..." – это я
понял сам.

В три года я для себя открыл, что моя мама, на самом деле,
моя бабушка (род.1939), а отец – мой дедушка (род.1937),
однако это открытие не помешало мне продолжать называть
дедушку отцом, а бабушку – мамой. Так что...Вы уж *это*
учтите!

* * *

Мы ждали.

Ожидание –

угнетало,

раздражало,

душило.

Приказ не поступал; росло недоумение: "Ведь мы у це-
ли..."

Тишина –
гнетущая,
смутная,
лукавая.

Терзал вопрос: "Отчего власти тянут со временем?"

Прорывался ответ: "Министрам лучше видно... А я, возможно, слеп..."

Порой шевелилась нехорошая мысль: "Может, министры блефуют?"

Как там у Шекспира –

ГАМЛЕТ: Вы видите то облако, что вроде верблюда?

ПОЛОНИЙ: Ей Богу, оно действительно похоже на верблюда.

ГАМЛЕТ: По-моему, оно похоже на ласточку.

ПОЛОНИЙ: У него спина, как у ласточки.

ГАМЛЕТ: Или как у кита?

ПОЛОНИЙ: Совсем как у кита.¹²

"Расслабься! – говорил я себе. – Стань Полонием!

Но тогда – лицемерие...

А если *так* правильно? Всё-таки ты – не король, и даже не принц..."

¹² Шекспир "Гамлет".

* * *

День-ночь...

Мгла-свет.

Рассвет оживляли шорохи ветра.

К нашему *бездействию* присоединились новые колонны танков.

Я пожимал плечами.

"А может, мы не у цели?"

А может, у цели – не мы?

А может, цели-то и нет?"

Я казался себе опрокинутой на спину черепахой...

* * *

Ночь-день...

"Может, мы здесь по ошибке?..

Может, не пришло время?..

Ошибки безошибочными бывают?

* * *

День-ночь...

"Господи, разве мы Тебе не *свои*? Порываюсь, как Иов, спросить: "*Зачем Ты поставил меня противником Себе?*"¹³

* * *

Ночь-день...

Я тянулся к фляге с водой.

Я старался дышать ровно.

Я бормотал что-то на латыни.

* * *

Мучила неопределённость.

Я говорил себе: "Во-первых, приказ поступит, потому что, во-вторых, приказы рано или поздно поступают, а в-третьих... В-третьих, достаточно и двух первых..."

* * *

Мобильник...

– Слушала радио, – сказала Лия и вдруг замолчала.

– Что, Лия?

– Тебя могут убить?

– Нет.

¹³ Кн. Иова. Гл.7:21

- Почему?
- Я не хочу.
- И я не хочу.
- Ну, вот...

* * *

Я заглянул в бинокль – над Газой повис густой дым.

Там – они.

Мы – здесь.

В руках Николая книга.

– Книга на русском?

– Да. Феликс Кандель.

– Что пишет?

Николай перевёл: *"Мы не любим, когда нас убивают. Они не любят, если убивают их. Так должно быть. Но почему они танцуют от радости и раздают сладости, когда мы хороним своих? Почему мы не танцуем?"*

Я подумал о наших праздниках, танцах, играх.

"Бог в азартные игры не играет", – кажется, так сказал Эйнштейн. А может, не Эйнштейн? А вдруг Эйнштейн ошибся, и Бог в азартные игры всё же играет? "Всё относительно..." – уж это-то точно сказал Эйнштейн".

Открыв мобильник, я полюбопытствовал:

– Лия, что говорят СМИ?

Лия сообщила:

– СМИ говорят, что при ракетном обстреле, граждане должны лечь на живот, возложить руки на затылок и в течение десяти минут оставаться неподвижными.

Я представил себе Лию, лежащую на тротуаре.

Меня охватило пламя стыда и неловкости.

... Впервые чувство стыда и неловкости я испытал в третьем классе, когда принял участие в выставке детского рисунка. Я представил рисунок с быком, но посетители отнеслись к моему рисунку с полным равнодушием. Кто-то из старшеклассников увидел причину моего провала в том, что рисунок не обнаружил в себе самого существенного – присутствия в быке органа размножения...

Потерянные глаза десантников.

Смущённые взгляды артиллеристов.

Обескураженные вздохи танкистов.

Лишь лётчики не испытывают чувства *бездействия*. Ни днём, ни ночью...

Прошли сутки – "тьфу!"

Ещё сутки – "тьфу-тьфу!"

Ещё несколько суток – "тьфу-тьфу-тьфу!"

* * *

...Однажды мне показалось, что –

погасли звёзды,
остановилось кружение земли.
замерло моё сердце,
я отключился.

*Надо мной склонилось задумчивое лицо Лии. Я услышал:
– Новое утро будет солнечным.*

Я покачал головой.

– Осенью и зимой солнце бывает редко.

– Жаль.

– Не всё бывает всегда...

– А твои глаза?

– И зимой, и летом.

– А твои плечи?

– И весной, и осенью.

– Давай взлетим вон на то облачко! – предложила девушка.

– Я не птица...

– Жаль...

– А ты птица?

Ответить Лия не успела —

*в воздухе, между городом Газа и городом Иерусалим повис
снаряд.*

– Изыди, сатана! – крикнул я на него.

Пошипев, снаряд замолк...

Ребята полагали, что если я читаю древних мудрецов в оригинале, то владею хранилищем истин. Откуда? Это журналист Яков Ш. знает, как правильно подбирать репертуар спектаклей, как их следует ставить, книги каких авторов читать полезно, а каких вредно, как...

Кто-то спросил:

– Сержант, что скажешь?

– О чём?

– Обо всём *этом*...

– Слов нет... – ответил я.

– Страшно?

– Страшно, когда боюсь.

– А боишься?

– А ты подумай.

– А мне это надо?

* * *

Ночью вновь налетели самолёты.

Напряглось, наполнилось строгостью небо.

Кто-то самолёты поприветствовал.

Кто-то напомнил соломонову притчу: "Не радуйся, когда упадёт враг твой"

Кто-то заметил, что ни в одной из притч Соломона не сказано, что врагу необходимо помочь встать на ноги.

* * *

20-ое ноября 2012 года на Ближний Восток прилетел государственный секретарь США, и в мире завертелось, зашумукалось. Забегали в кабинетах чиновники израильских министерств, приняли установку: *убавить накал страстей...*

"Конец света переносится, – догадался я. – Америка решила..."

Строя различные предположения, перебирая в уме различные версии, я окунулся в состояние оцепенения.

"Автоматы поставить на предохранители!", – приказал командир взвода, и я, покусывая губы, перевёл слова лейтенанта: "Парни, мы, вроде бы, отбоевались! Из Газы нас депортируют..."

Мы недоумённо переглянулись. В голове сверкнуло: "Отступаем! Приговор Злу откладывается на неопределённое время"

"Нелепо!" – заключили одни. "Непостижимо!" – ворчали другие. На лицах третьих – вялое смирение.

Потом воцарилась молчание –
долгое,
вязкое,
удушливое.

Я допытывал себя: "В Газу нас *послали* по недосмотру или по недомыслию?"

Сжались мышцы.

В животе застрял ледяной кусок.

Высказав неприличное словцо, я почувствовал себя немного лучше.

Казалось, у всех нас перехватило дыхание.

Казалось, потерялось ощущение самих себя.

Казалось, мы лишились достоинства.

Казалось, справедливость сдавил спазм.

Наши танки сдержанно зарычали,

стыдливо развернулись,

стали медленно отходить на север.

Громко сморкаясь, Жермен поглядывал в сторону Газы и сквернословил.

– Не надо! – остановил я Жермена. – Арабы сослужили человечеству добрую службу – придумали обозначение цифр. Представляешь, каково было бы, если б нам пришлось умножать или делить, пользуясь цифрами римскими?

Кто-то проговорил: "Неужели мы опоздали?.."

Кто-то отозвался: "Опоздать никогда не поздно..."

Кто-то радостно покашливал.

Кто-то стыдливо глядел себе под ноги.

Кто-то помянул Бога.

Кто-то заметил: "Бог отлучился. Утёр руки дядя..."

Кто-то помянул главу правительства.

Кто-то, непочтительно тыча пальцем в небо, ворчал: "Нас подставили..."

Кто-то из артиллеристов досадливо крикнул: "Это какая-то нелепость..."

Кто-то из танкистов сдавленно воскликнул: "В другой раз мы... А не то очерним себя в веках".

Боец Николай пропел:

"Вышел зайчик на крылечко
почесать своё яечко.

Шарил, шарил – не нашёл;
плюнул на хер и ушёл"

Рафи недоумевал:

– Что случилось?

Амос, высунув язык, пояснил:

– Рыбка с крючка сорвалась!

Гилад, прикрыв ладонями уши, осведомился:

– Сержант, теперь нам какая цена?

– Мы солдаты, – сказал я.

Гилад поджал губы, словно опасался выдать государственную тайну.

Иона, выпятив грудь, громко произнёс: "Всё псу под хвост! Мы, вроде бы, уделались..."

Громко зевнув, Амос спросил:

– Кто сказал?

– Кому надо, тот и сказал – рывкнул Иона. – Тебе не надо – не слушай! А мы всё равно уделались, даже если ты и на самом деле глухой.

Ран воскликнул: "Зато теперь мы освободились от всего

этого!.."

Ефрейтор Фима выдохнул:

– Свобода? Хотел бы я знать, что она из себя представляет. Ты, сержант, знаешь?

Я сказал:

– Знаю.

– Ну! – напрягся ефрейтор. Казалось, ещё немного и он задохнётся от нетерпения.

Я изрёк:

– Свобода – это когда ты не ведаешь, на каком ты свете!

Лицо ефрейтора страдальчески сморщилось.

– Разве мы не знаем?

Я тоже сморщил лицо. У меня в голове началось чёрт-те-знает-какое метание. "Мы сбилась с ритма, сбились с пути, – подумал я. – Наш компас вышел из строя..."

Николай извлёк из своего репертуара очередной анекдот: "Ой, доктор, что это у меня там?" Доктор посмотрел. "Так ведь у тебя в спине торчит нож! Наверно, больно?" "Нет, доктор, щекотно!"

Рядовой Иона впал в исступление. Он напоминал измождённого удава.

– Этого быть не может! – бушевал он, стараясь поочередно дозировать степень яростного шума и умеренного рычания. – Какого чёрта мы в этой пыли провалялись? Чего мы добились нашей вознёй? Зачем я теперь чувствую себя так, будто на мне надет шутовской колпак? К чему нас целую

неделю ни за что ни про что е...Целую неделю! Почему нам не позволили покончить со Злом? Лично я бы...

Иона перевёл дыхание и выжидающе уставился на меня.

– Говори, Иона, говори, – разрешил я. – Хорошо молчать труднее, чем хорошо говорить.

Иона облизнул губы.

– Теперь, после всех этих паршивых дней и ночей, после наших попыток проявлять самообладание, нам говорят, чтобы мы из Газы убирались? Ну и сели мы в лужу! За что мне тащить в себе чувство, будто я половая тряпка или нечто полуживое?

– Лучше нечто полуживое, чем неживое нечто, – заметил Николай.

Иона продолжил:

– Сержант, теперь наша душа в печали, и нам бы прийти в себя. Теперь бы нам на недельку увольнительные...Мы бы душой отошли. Нам бы навестить ресторан "Здоровый желудок", где подают пельмени в масле и креветки в винном соусе. Думаю, если глотнем немного шампанского, а то и чуть больше, чем немного, то это нас малость взбодрит, во всяком случае, тогда мы сможем заставить себя изобразить, так сказать, хорошую мину при проигранной игре.

– Поговорю с командиром роты, – обещал я. – Только прежде утопите маленькую ящерицу в своей моче.

– Это зачем? – опешил ефрейтор Фима.

Я сослался на обычай древних римлян, которые утвержда-

ли, что если утопить в человеческой моче маленькую ящерку, то она исполнит любое желание.

У ефрейтора Фимы увлажнился лоб.

Николай, громко икнув, пробурчал:

– Игра ещё не доиграна...

– Доиграем, – сказал Иона и добавил: "После похода в ресторан "Здоровый желудок".

Ефрейтор Фима насторожился.

Иона пояснил:

– Кончил дело – гуляй смело!

Ефрейтор Фима внёс коррективы:

– Кончил дело – вымой тело!

Себя я спросил: "Кто же мы после *этого*?" Себе же ответил: "Нелепые посланники, посланцы, ...анцы?"

Ефрейтор Морис лежал на спине и разговаривал с небом. Я вмешиваться не стал, догадываясь, что вести разговор с небом можно до бесконечности.

Теперь –

в небе поменялись краски,

самолёты сменили сумасбродные воробьи.

Я подумал: "Прервёмся до следующего спектакля..."

Юваль Лерман сидел в стороне и грыз печеньё.

Я знал: "Лия ждёт моего звонка".

* * *

– Новости *так себе*, – сообщил я после встречи с командиром роты. Вольного времени – двое суток. Не более.

Иона спросил:

– Ты говорил с капитаном?

– С ним.

– А он с тобой?

– И он со мной. Капитан спросил, что я думаю о нашей операции "Облачный столп".

– Ты сказал?

– Я махнул рукой – мол, о чём тут говорить...

– А что капитан?

– Капитан свёл брови.

– Это всё?

– Нет. Ещё он опустил глаза и сказал: "Вам представилась возможность проверить функциональность ваших сердец и мозгов".

– А что сказал ты?

Вначале я подумал о нашем бессмысленном вояже, а потом сказал:

– Так точно, командир, кое-что наши сердца и мозги ощутили, потому-то я и пришёл просить для себя и моих бойцов немного отдыха. На недельку. Разве мы не заслужили?

У капитана были хмурые брови, пересохшие губы, воспа-

лённые глаза.

– Ну, да... – сказал он. – Хотя бы за то, что избежали гибели...

– А что сказал ты?

Я смолчал.

– А что сказал он?

У него напряглись мускулы лица, но вдруг он улыбнулся одной из тех улыбок, которые держат тебя на почтительном расстоянии.

– Вы остались целы... – сказал он.

– Так точно! – сказал я. – А как с неделей отпуска?

– Двое суток, не более. Где мы с тобой пребываем, знаешь?

– Ближний Восток.

– А точнее?

Точнее я не знал.

Капитан подсказал:

– На кратере вулкана.

– Разве?

Капитан понюхал воздух. И мне велел.

Я понюхал.

– Слышишь, – капитан подмигнул одним глазом, затем вторым, – слышишь, как мир дрожит от едкого запаха палёного?

Едкого запаха я не услышал и сказал:

– Война, я полагаю, закончилась.

Капитан поднял на меня пытливые глаза. У него сторбилась спина. Казалось, ему было не по себе.

– Знаешь, что такое война? – спросил он.

Я кивнул:

– Нечто пакостное, гадостное, грязное...

Он спросил:

– Откуда сведения?

Я сказал:

– Из книжек. История...

Лицо капитана приняло мучительное выражение. Переведя взгляд на окно, капитан покашлял в кулак и устало проговорил: "Мир – это театр с давно устоявшимся репертуаром. Одни актёры изображают тех, кто пытается сделать из пустыни страну, другие – из страны пустыню... Все знают, как выглядят голые деревья, голые вершины гор, голые задницы, но кто знает, как выглядит голая правда? Ни мудрость царя Соломона, ни уроки Спинозы, ни призывы Жан Жака Руссо избавить мир от хаоса не возымели должного результата. Человечество носится по кругу, как лошадь по арене цирка, вновь и вновь возвращаясь к точке вечного самоистребления. История человечества – это спектакль про долгую-долгую битву с непродолжительными антрактами, к тому же всякий раз незамедлительно объявляются неистовые говоруны с животными инстинктами, равно как и такие, кто с широко разинутыми ртами им внимают. Да простят меня домашние животные, люди всегда готовы оскотиниться.

Войны подобны эпидемиям, извержениям вулканов и наводнениям бывали прежде, случаются сейчас, будут ещё потом. И потом...И потом...И потом...Кажется, они будут вечно... Снаряды и ракеты без дела не залёживаются. Кое-кто свою прибыль не упустит никогда. Знаешь, что некоторым принесли войны?

Я не знал.

Капитан объяснил:

– Миллионеры заработали себе миллиарды. Мир никогда не образумится, то есть, люди никогда не...

Я напомнил:

– Ничто не вечно...

– Кроме войн...Мир всегда был перевёрнутым. Он никогда не образумится, то есть, люди *никогда* не...Людская вражда утвердила себя законом, а законам следует подчиняться. Боюсь, что оставленную прошлыми поколениями выгребную яму до конца не разгрести. Хорошо бы не продолжать наполнять её ещё и своим собственным... – сказав это, капитан стал смотреть в потолок.

– Может, обойдётся? – осторожно проговорил я. – Будем надеяться...

Капитан почесал подбородок.

– Надежда...Какая от неё польза?

– Надежда умирает последней, – подсказал я. – Вдруг Фортуна решит, что...

– Фортуна? – перебил капитан. – Ну да, эта дама способна

дать многое, но достаточно – вряд ли...

– Тогда Бог...

Капитан сморщил нос.

– Этот господин действует по настроению. Поди-ка угадай!

– Выходит – снова войны? Вы так думаете?

– Думаю! И о будущей войне думаю, и о нас с тобой и об истории...

У меня вырвалось:

– И чем всё это кончится?

Капитан мрачно улыбнулся.

– Говорят, глобальным потеплением... Или глобальным похолоданием...

"Неужели Страшный Суд предстоит нам ещё при жизни?" – подумал я и сказал:

– Может, люди со временем...

– Оставь! – прервал меня капитан. – Люди останутся людьми... В этом наша удача; в этом же – наше проклятие. Уж поверь мне – начиная с первого на земле человека, ничего в помыслах людей не изменилось.

– Может... – повторил я. – Со временем...

В насмешливых глазах капитана читалось: "Разве со временем договариваются?"

Я подумал о двухдневном отпуске.

Тело капитана чуть качнулось, потянулось вверх. Кажется, капитан стал выше ростом. Где-то я читал, будто ис-

тинный рост человека измеряется не от земли до макушки, а от макушки до неба.

– Пожары всегда были и всегда будут, – сказал капитан. – Люди – они и поджигатели, и тушители одновременно.

– Так что же будет с нами теперь?

– Зависит от нас.

– Зависит?

– Или не зависит.

– От нас?

– Или не от нас.

– Понял! – сказал я.

– Неужели? – капитан приободрился, перевёл дыхание и, откинувшись на спинку стула, заложил руки за голову.

* * *

Армейский автобус увозил нас в обратный путь.

Теперь водитель молчал. Теперь мы окна завесили.

Ворчал Иона:

– Ушли, как и пришли... Всё за собой убрали...

– Кроме сортира, – заметил Алекс.

– Кто-то заберёт! – выкрикнул Николай. – Кому-то придётся вернуться, чтобы всё *это* разгрести...

Иона облегчённо вздохнул, пожал Николаю руку и посмотрел на меня.

– Сержант, может, ты скажешь, кто мы после всего *этого*?

Я прикусил губу.

Успев усвоить кое-что из рассуждений царя Соломона, Платона, Ницше, пятёрки знаменитых писателей, десятка известных политиков, моих школьных учителей, я теперь не понимал, на кой чёрт мне весь этот груз знаний сдался.

Рядовой Иона ждал.

– Мы слуги отечества, его посланники, послы... – пробормотал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.